

П. В. Коротчикова

ЗАБЫТЫЕ САДЫ ЭПОХИ ДЕЛИЙСКОГО СУЛТАНАТА И ИХ СВЯЗЬ С САДОВО-ПАРКОВЫМ ИСКУССТВОМ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ

Индийским садам империи Великих Моголов (1526–1858) посвящена обширная литература: точность планировки, приверженность геометрии, а также обилие изобразительных материалов и письменных источников позволяет провести тщательную реконструкцию большинства комплексов. Куда менее освещен предшествующий Моголам период Делийского султаната (1206–1526), каждая из династий которого привнесла в общую историю искусства страны свои характерные особенности. Архитектурные памятники этого периода куда менее известны и сохранны, а их природное окружение и вовсе утрачено или стерто более поздней градостроительной практикой. Однако исторические документы и сохранившиеся элементы искусственного ландшафта (пруды, плотины, террасы, стены) позволяют говорить о развитой «садовой политике» султанов. Исследователи редко обращаются к этой теме, в то время как невозможно игнорировать связь между раннемусульманскими садами Дели и окрестностей и куда более известными садами эпохи Великих Моголов. Тем интереснее проследить преемственность (или отсутствие таковой) между забытым садово-парковым искусством султанов Дели и памятниками Могольской империи.

Ключевые слова: Делийский султанат, Могольская империя, сады, планировка, водоемы

P. V. Korotchikova

FORGOTTEN GARDENS OF THE DELHI SULTANATE ERA AND LINKS WITH THE MUGHAL'S LANDSCAPE ART

Researchers deal with extensive historiography on the topic of Indian Gardens of the Mughal Empire (1526–1858). Precise layout, adherence to geometry, as well as the availability of visual materials and written sources, help to make explicit reconstruction of many complexes. The preceding period of the Delhi Sultanate (1206–1526) is less studied, although every dynasty made a contribution to Indian art history. The architectural monuments of this period are less well-known and preserved, and their natural environment was completely lost or damaged by the later urban development practice. However, historical documents and elements of the artificial structures (ponds, dams, terraces, walls) allow us to talk about the developed “garden politics” of the Sultanate period. Researchers often overlook the topic, although it is impossible to ignore the connections between the early Muslim and the more famous Mughal-era gardens. Nevertheless, it is quite interesting to reconstruct and trace the continuity (or the lack thereof) between the forgotten landscape art of the sultans and the monuments of the Mughal Empire.

Keywords: Delhi Sultanate, Mughal Empire, gardens, layout, ponds

Наследие империи Великих Моголов (1526–1858) по праву считается жемужиной мусульманского искусства Индии: пышность, многообразие и богатство форм, любовь к утонченной красоте и гармонии пронизывает все его области, от обширных архитектурных ансамблей до произведений ювелиров. Несмотря на недолговечность объектов

природы, составлявших наполнение садовых ансамблей прошлого, точность планировки, приверженность геометрии, а также обилие изобразительных материалов и письменных источников позволяет провести реконструкцию большинства комплексов.

Но эпохе Великих Моголов с ее богатым наследием предшествовал пери-

од Делийского султаната (1206–1526). Это время сменяющихся династий, каждая из которых привнесла в общую историю искусства страны свои характерные особенности. Архитектурные памятники этого периода куда менее известны и сохранены, а их природное окружение и вовсе утрачено или стерто более поздней градостроительной практикой. Однако исторические документы и сохранившиеся элементы искусственного ландшафта (пруды, плотины, террасы, стены) позволяют говорить о развитой «садовой политике» султанов. Исследователи редко обращаются к этой теме, в то время как невозможно игнорировать связь между раннемусульманскими садами Дели и окрестностей и куда более известными садами эпохи Великих Моголов. Тем интереснее проследить преемственность (или отсутствие таковой) между забытым садово-парковым искусством султанов Дели и памятниками Могольской империи.

Следует отметить, что нас будут интересовать два типа садов разного назначения: «общественные», к которым в частности относятся территории при медресе и мечетях; и сады в составе погребальных комплексов. Забегая вперед, следует отметить, что в том или ином случае связь между династиями и эпохами предстает в совершенно разном свете. В разные периоды своей истории Делийский султанат занимал как огромную территорию, покрывающую практически весь Индостан (династия Туглакидов, 1312–1413), так и сжимался до границ современного Дели (династия Лоди, 1451–1526). В период ослабления государства от него откололись отдельные регионы, образовавшие местные султанаты со своими традициями. Вся эта пестрая и разносторонняя картина не могла пройти бесследно для пред-

ставителей новой мощной династии Индии — Моголов.

Любопытно, что Захир ад-Дин Мухаммад Бабур (1483–1530) — основатель Могольской Империи — оставил нам развернутый документ своих походов, автобиографический труд «Бабур-Наме», в котором достаточно полно описал не только свои перемещения и военные кампании, но и флору и фауну Индостана, а также заметки о быте и природе края. Любопытно, что через них красной нитью проходит мысль о том, что в Индии нет садов. При этом мы знаем, что последний значимый правитель предшествующей династии Туглакидов — Фируз-шах Туглак (1309–1388) — славился как великий строитель и покровитель искусств, его время неплохо освещено в хрониках¹, и более того, в автобиографии шаха². Арабский историк и географ Шахаб ал-Дин ал-Умари³ приводит немалую цифру в 1200 садов (*Welch* 1996: 71), разбитых Фируз-шахом, не говоря уже об инженерных сооружениях (дамбах и каналах) и расчистке старых прудов. Заядлый охотник, султан возвел ряд охотничьих дворцов в окрестно-

¹ Шамс-е-Сирадж Афиф (ум. 1399) — придворный летописец, автор труда *Tarik-e-Firuzshahi*, повествующего о времени правления Фируз-шаха. Несмотря на неизбежную пристрастность в описании правителя и его деяний, документ крайне важен как источник данных о придворных событиях, нравах, экономических и сельскохозяйственных реалиях своего времени. Зия-уд-Дин Барани (1285–1356) — также автор труда *Tarik-e-Firuzshahi*, в котором описал историю султаната, предшествующую правлению Фируз-шаха, с 1265 года.

² *Futihah-e-Firuzshahi*. Будучи меценатом, султан подробно описывает все отреставрированные и вновь возведенные в Дели и окрестностях памятники.

³ Шихаб ал-Дин ал-Умари (1301–1398). В сочинении *Masalik al-Amsar fi-Mamalik Al-Amsar* собрал географические и исторические сведения об Индии времен Туглакидов.

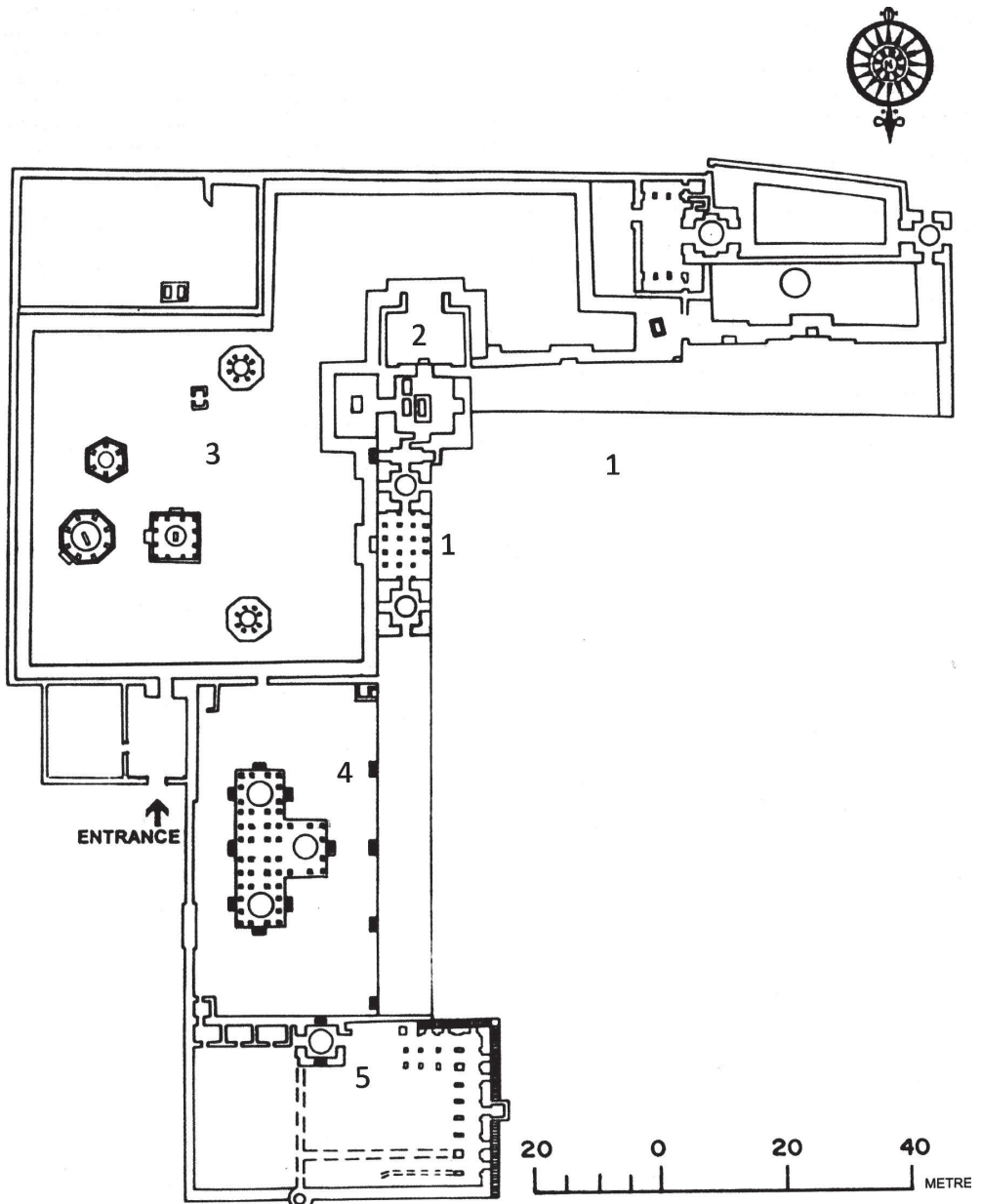
стях Дели (на данный момент сохранились только Кешк Махал и Бхули Бхатияри Махал), которые, судя по всему, также располагались в тщательно спланированных садах (Welch; Crane 1983: 152).

Даже если предположить, что представленные в источниках факты преувеличены, очевидно, что представители Делийского султаната в определенные моменты истории уделяли садам большое внимание. В этой связи еще более удивительными кажутся слова Бабура о том, что в Индии нет садов. Частично это, видимо, могло быть связано с экономическим упадком, в котором находился Дели после индийского похода Тамерлана (1398–1399). Однако последующая строительная политика Сайидов и Лоди демонстрирует стремление поддерживать и развивать общественные зоны, оформившиеся в течение XIV в.

Один из немногих относительно сохранившихся памятников времен Фируз-шаха — сад Васант Вихар в районе Хауз-Кхас, Дели. Во времена султана он представлял собой ряд поступательно снижающихся прямоугольных платформ, на одной из которых располагались колодцы и резервуары для воды, соединенные каналами, на другой — небольшая мечеть, а третья, судя по всему, изначально была засажена деревьями. Впоследствии, в период Лоди, там была возведена гробница — факт, одновременно демонстрирующий преемственность строительной политики в рамках разных династий Делийского султаната, а также идею соединения гробницы и сада, о которой будет подробнее сказано ниже. Сад Васант Вихар содержит в себе некоторые признаки, которые, судя по всему, являлись ключевыми составляющими общественного садового пространства Дели в XIV в., главные из которых — обязательное наличие искусственно организованных источников

воды, необходимой в особенно жаркий сезон, и мечети. Ее камерность говорит об особой культовой функции — места для религиозного уединения, особенно гармонично сочетающейся с идеей наслаждения природой и тишиной. Судя по всему, подобного рода сады разбивались именно как общедоступные градостроительные единицы, в которых каждый мог обрести уединение или просто спастись от жары.

Видимо, не последней для садов времен Делийского султаната была идея созерцательности, молитвенного и духовного сосредоточения, тесно связанного с «райским» пространством. Есть свидетельства, что почитаемый индийский суфий Низамуддин Ауля и его последователь Насир ал-Дин Чирагх-е-Дели («светильник Дели») любили удаляться в сады для рецитации Корана и медитации, а поэт Амир Хусро Дехлеви брал калам и бумагу и творил в саду у крепости Джаханпана (Welch 1996: 89). В этой связи неслучайной кажется и планировка сада в составе медресе Хауз-Кхас, принятая архитекторами Фируз-шаха в 1352 г. Крылья медресе, расположенные по берегам пруда в виде буквы «Г», состояли из двухэтажных открытых колонных залов, выходящих одной стороной на воду, а другой — на сад неправильной планировки, с одной стороны к которому пристроена дворовая мечеть (ил. 1). Поэт Мутахтар из Кара описывал его так: «Как только я вошел в это место через ворота, я увидел ровное пространство, такое же широкое, как равнина мира... Там была зелень, а гиацинты, базилик, розы и тюльпаны расцвели и были посажены везде, куда мог упасть взгляд... Казалось, что урожай удвоился по сравнению с прошлым годом, и в саду были гранаты, апельсины, гуавы, айва, яблоки и виноград. Соловьи пели свои мелодичные песни повсюду»

Ил. 1. Медресе и сад Хауз-Кхас, 1352 г.: 1) крылья медресе; 2) гробница Фируз-шаха; 3) гробницы профессоров; 4) павильон; 5) мечеть (Inventory of Monuments 2004: 86)

(Nizami 1966: 73). В саду располагалась открытая колонная беседка, видимо, для нужд студентов, а также ряд гроб-

ниц преподавателей в форме колонных киосков-чхатри. Отметим также, что и сам султан Фируз-Шах пожелал быть

упокоенным здесь, выстроив свою гробницу на углу пересечения двух крыльев в медресе. Как и в саду Васант Вихар, здесь стоит отметить наличие водоема, зоны уединения, территории для молитвы и интеллектуальной деятельности. Не случайно и появление в этом осеннем благодатью пространстве гробниц. Любопытно также описанное поэтом разнообразие плодовых деревьев. Если предположить, что их посадка была запланированным актом, для обеспечения студентов дополнительной пищей, то все вышеописанные особенности общественного мусульманского сада Дели XIV в. окажутся вполне соответствующими домусульманским представлениям о планировке и назначении садов.

Еще в период распространения буддизма (династия Маурьев (322–185)), царь Ашока (270–250) в своих знаменитых скальных эдиктах предписывал рыть колодцы, сажать деревья, в том числе фруктовые, и лекарственные травы для нужд путников (*Dasgupta* 2016: 134). Судя по всему, главная задача таких деяний была социальной — недаром богатые донаторы участвовали в создании садов при монастырях, где можно было спрятаться от зноя под деревьями, насладиться прохладой у водоема и утолить голод.

Подобные же представления об общественных садах развивались и далее, став составляющей уже индуистского строительства. Например, сохранились данные конца XI — нач. XII в. о брахмане и меценате Бхаттабхавадеве, который построил в районе Пури храм и разбил вокруг него сад с прудом, столь прекрасный, что, по словам очевидцев, сам бог любви мог отдыхать в нем (*Majumdar* 2003: 25–41).

Эти и другие аналогичные факты (*Dasgupta* 2016: 133–152) ясно свидетельствуют о схожей «садовой полити-

ке» правителей Делийского султаната и их предшественников: социальная направленность природного пространства, главными составляющими которого становились пруды и колоды для сбора воды, а также плодовые деревья. Более того, важность и центральное место искусственного водоема при планировании подобных зон было столь велико, что иногда весь «сад» сводился к ряду затейливых резервуаров разной формы. Яркий пример подобного рода архитектурных решений — дворцовый комплекс султаната Малвы, штат Мадхья-Прадеш, Индия. Отколовшись от Делийского султаната в 1401 г., сразу после захвата Дели Тимуром, правители княжества, тем не менее, продолжили опираться на усвоенные столичные архитектурные схемы. Комплекс Джахаз-Махал (конец XV в.) представляет собой дворец-корабль, окруженный каналом, рядом совмещенных прудов (ил. 2), и многоуровневыми колодцами-*баоли* с подземными помещениями. Сам дворец, верхний этаж которого представляет собой открытую площадку с купольными беседками-*чхатри*, содержит резервуары и каналы для воды витиеватой формы (ил. 3), что создает удивительный микроклимат внутри и в окрестностях здания.

Бабур также постоянно обращается к теме воды, но его представления о садовой планировке столь отличны от принятых в Делийском султанате, что он категорически отверг увиденное и предпочел полностью заместить новой системой планировки. Причины его недовольства ясно обозначены рядом заметок: «Города и области Хиндустана очень непривлекательны... сады не огорожены стенами... кроме рек, мало текучей воды. Иногда кое-где попадает стоячая вода» (*Бабур-наме* 1958: 318). Эта цитата включает главные претензии

Ил. 2. Пруды в комплексе Джахаз-Махал, Манду. Конец XV в. Фото П. Коротчиковой, 2015 г.

Ил. 3. Резервуары для воды. Дворец Джахаз-Махал, Манду. Конец XV в. Фото П. Коротчиковой, 2015 г.

к увиденному: отсутствие четкой геометрии, ясно очерченных границ и система прудов в противовес журчащим каналам — полная противоположность представлениям Бабура о гармоничном саде. Скорее всего, он даже не воспринял памятники времен Делийского султаната как элементы строгой, а не стихийной, градостроительной политики. Идеалом Бабура были сады Тимуридов, виденные им в Самарканде — несбывшейся мечте завоевателя⁴. Важными их чертами была ограниченность пространства (наличие стены), упорядоченность и геометрия форм (деление сада на квадратные и прямоугольные участки дорожками и каналами), а также текучая, а не стоячая вода. Все это он воплотил в своем любимом саду Багх-и-Вафа в Кабуле. Огромный прямоугольный сад, расположенный на естественном возвышении, позволил обеспечить течение воды по каналам, соединяющим террасы-уступы — схема, неоднократно воспроизведенная его потомками. По мере продвижения вглубь Индостана, Бабур присматривал места и закладывал сады нового типа: «Мне постоянно приходило на ум, что одним из великих недостатков Хиндустана является отсутствие там проточной воды. Всюду, где пришлось бы обосноваться, я решил установить водяные колеса, провести воду и разбить по плану ровные [сады]» (*Бабур-наме* 1958: 344).

Кардинально отличалось и социальное назначение садов: их общедоступность сменялась элитарностью, о чем свидетельствует хотя бы система оград. Бабур разбивал сады на расстоянии

дневного перехода армии, и часто использовал их как караван-сарай, а также места для дипломатических приемов и праздников (*Asher* 1991: 50). Сад приобрел новые функции — прокламации власти, но утратил функции социального места, созданного для каждого входящего под сень его деревьев для отдыха и подкрепления сил.

Рассмотренные выше факторы ясно демонстрируют, что и планировка, и функции домогольских и могольских общественных садов отличались столь существенно, что говорить о преемственности и влияниях не приходится (общим было лишь наличие источников воды и цветущих/плодовых растений). Если сады Делийского султаната были настроены на нужды жителей города, то сады Моголов выросли из идеи упорядочивания и ограничения пространства и людского присутствия.

Но существовала и другая область садового строительства — погребальные комплексы. Гробницы, окруженные регулярным «райским» садом *чахар багх*⁵, стали своеобразной «визитной карточкой» архитектуры Великих Моголов (ярким и характерным примером может служить гробница Хумаюна 1570 г. в Дели (ил. 4)). Подобную систему часто связывают с персидской, а точнее тимуридской традицией, тем более что архитектором первого могольского памятника подобного рода — гробницы Хумаюна — возможно, был Мирак Мирза Гияз, выходец Герата или Бухары. Этой позиции придерживаются крупнейшие специалисты по могольской архитектуре —

⁴ Бабуру удалось захватить Самарканд, который он считал своим родовым уделом, в 1497 г. всего на несколько месяцев. Потом он был вытеснен Шейбани-ханом в Кабул, а после очередной неудачной попытки взятия Самарканды обратил свои взоры на Индию.

⁵ Чахар багх (с перс. «четыре сада») — особая система планировки садов, состоящая в делении пространства на четыре равные части дорожками или каналами, характерная для Средней Азии, Ирана и Индии. Восходит к представлениям о райском четырехчастном саде (Коран, 55: 46–62).

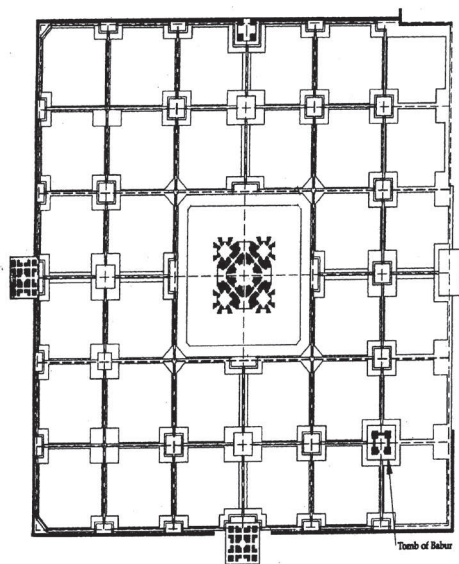
Ил. 4. Гробница Хумаюна, Дели. 1570 г. Фото П. Коротчиковой, 2018 г.

Кэтрин Эшер (Asher 2001: 45), Эбба Кох (Koch 2014: 43). Она же звучит в знаменитой «Поэтике сада» Вильяма Митчелла и Чарльза Мура, со ссылками на гробницу Тимура и тот факт, что Бабур якобы первым завещал похоронить себя в саду (Бахг-и-Вафа в Кабуле) (Moore, Mitchell 1993: 179). (Здесь сразу стоит отметить, что Тимуриды, судя по всему, практически не прибегали к объединению захоронения и сада (Welch 1996: 87), а захоронение Бабура предполагалось в рамках уже сложившегося, а не спроектированного под него садового комплекса). Однако обтекаемые формулировки об «иранском», или «тимуридском» происхождении индийского погребального сада приводят других специалистов к опрометчивым выводам о том, что именно Моголы принесли в Индию традицию четырехчастного сада при гробнице, а комплекс Хумаюна стал своеобразным прообразом развития этой традиции (Krusche, Aijan, Anders, Dokonal, Kapadia 2010: 158–178).

Это утверждение представляется неправомерным, и вторую часть статьи хотелось бы посвятить доказательству того

факта, что идеи упокоения в регулярном саду были не новы в Индии и до Моголов и оказались скорее восприняты последними. К счастью, к этой теме, так или иначе, обращается крупнейший специалист по Делийскому султанату — Уэлч (Welch 1996), можно найти немногочисленные статьи (Porter 2016), а также «выловить» отдельные предложения в некоторых трудах по истории архитектуры (Khawaja 2012: 189). Но, в силу того, что обращения вышеупомянутых специалистов точечны и единичны, тенденция отмечать первенство Моголов в установлении садовых гробниц в Индии остается непоколебимой. Для примера достаточно привести интервью Кэтрин Эшер о Гробнице Хумаюна (Asher 2016), в котором она, даже ссылаясь на конкретные гробницы предшествующей эпохи, рассматривает их архитектуру, но обходит вопрос планировки сада.

Итак, обратимся к истории садовых захоронений домогольского времени. Сама идея упокоения в садовом пространстве витала в воздухе: уже упомянутый Фируз-шах Туглак хотел быть погребенным в саду при медресе Хауз-Кхас,

Ил. 5. Гробница Хумаюна, план (Khwaaja 2012: 195)

где также были выстроены и гробницы некоторых профессоров. Не стоит забывать и про захоронение времен династии Лоди в туглакидском саду Васант-Вихар. Но важнее не идея, а появление изначально спроектированных для этой цели комплексов, и похоже, что в данном случае истоки традиции также были заложены именно султанами Дели.

Первым памятником новой группы можно считать гробницу Мубарак-Шаха (1434), ныне сжатую в кольцо тесных улиц района Мубаракапур. Исследования показали, что она стояла в центре обнесенного стеной сада, имела трое ворот, а также была обсажена деревьями (Porter 2016: 23). В большей сохранности захоронение Мухаммад-Шаха (ил. 5) (1446) и Сикандара Лоди (1517–1518) в Садах Лоди. Все три памятника относятся к типу октагональных гробниц и имеют общую схему: внутреннее помещение-восьмигранник, перекрытый куполом на барабане с обходной галере-

реей, на каждой грани которой расположены три арочных проема, центральному из которых соответствует колонный киоск-чхатри, расположенный на крыше галереи. Карнизы-чхадджа визуально разделяют гробницы на нижний ярус галерей и арок и верхний ярус крыши, по краю которой идут характерные зубцы. Сад при гробнице Мухаммад-Шаха имел квадратную в плане ограду, однако лучше всего воплощение идеи чххар багх отразилось в захоронении Сикандара Лоди (ил. 6). Гробница стоит в центре квадрата, обнесенного стенами крепостного типа, на пересечении осей, делящих сад на четыре части (ил. 7). Внутренняя часть огибающих территорию стен прорезана простыми арочными нишами, внешняя имеет по краям круглые башни-бастионы и два входа, оформленные порталами, к одному из которых — парадному — дополнительно пристроены два пилона с колонными киосками.

Возможно, обширная садовая территория вокруг гробницы появилась именно в Индии в связи с местным обычаем празднования годовщины смерти (тесно связанной с обрядами суфийского ордена Чишти), а также с традицией посещения гробниц святых и правителей прошлого (*зиярат*) (Porter 2016: 21).

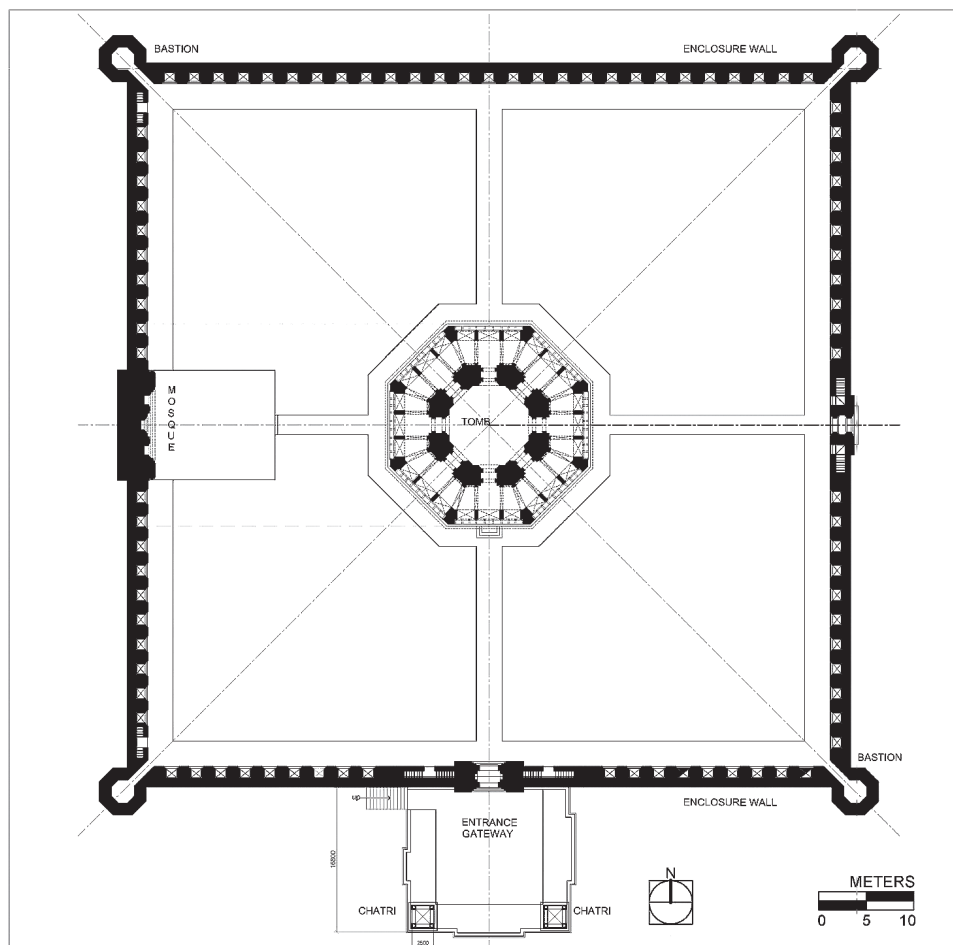
Перед окончательным воцарением Могольской династии в истории Индии был недолгий период правления династии Суридов (1540–1556), основатель которой, Шер Шах Сур (1486–1545), занимался активной градостроительной политикой, также существенно повлиявшей на могольский стиль. Гробница султана в Сасараме (1545 г.) с точки зрения архитектуры продолжает и развивает типологию октагональных гробниц Сайидов и Лоди. Показательно и ее окружение — Шер Шах не отступил от идеи регулярного райского сада, но предпринял оригинальный ход, поместив

Ил. 6. Гробница Мухаммад-Шаха, Сады Лоди, Дели. 1446 г. Фото П. Коротчиковой, 2018 г.

Ил. 7. Гробница Сикандара Лоди, Сады Лоди, Дели. 1517–1518 гг. Фото П. Коротчиковой, 2018 г.

Ил. 8. Гробница Сикандара Лоди, план вместе с садом (<https://artsandculture.google.com/exhibit/lodi-garden-monuments/QRUxWeZM>)

гробницу в центр искусственного квадратного пруда, по краям которого были посажены цветущие деревья. Той же строительной практики придерживались и придворные, например, Иса Хан, чья гробница (1547–1548) в саду *чахар багх* была включена архитектором в могольский комплекс Хумаюна.

Приведенные выше памятники дают возможность утверждать, что традиция четырехчастного «райского» сада не была могольским нововведением

персидского типа, но сформировалась на территории Индии в период Делийского султаната и была лишь заимствована представителями новой династии, тем более что многочисленные примеры были «под рукой». Таким образом, можно проследить две единовременные тенденции в развитии садовой планировки Индии. С одной стороны, полная смена парадигмы при разбивке «общественных» садов: от доступности — к элитарности, от свободной пла-

нировки — к регулярной, от колодцев-баоли — к журчащим каналам для воды. С другой, — безусловное первенство делийских династий в процессе формирования и развития схемы регулярного сада *чахар багх* при погребальных комплексах, лишь подхваченное и «отшлифованное» архитекторами могольской эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Babur-name* 1958 — *Babur-name: Записки Бабура*. Ташкент : Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1958.
- Asher 1991 — Asher C. *Babur and Timuris Char Bagh. Use and Meaning* // *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre*. Rome: Dell'oca Editore, 1991. P. 46–55.
- Asher 2001 — Asher C. *Art of Mughal India* // *The New Cambridge History of India*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001 [1992].
- Asher 2016 — Asher C. *Humayun's Tomb* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sahapedia.org/humayuns-tomb-conversation-catherine-asher>.
- Dasgupta 2016 — Dasgupta N. *Gardens in Ancient India: Concepts, Practices and Imagination* // *Puravritta*. Vol. 1. Kolkata, 2016. P. 133–152.
- Golombek 1995 — Golombek L. *The Gardens of Timur: New Perspectives* // *Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture*. Vol. 12. 1995. P. 137–147.
- Inventory of Monuments* 2004 — *Inventory of Monuments and Sites of National Importance*. Delhi: Archeological Survey of India, 2004.
- Khwaja 2012 — Khwaja G.S. *Islamic Architecture of Delhi*. Delhi: Bharatiya Kala Prakash, 2012.
- Koch 2014 — Koch E. *Mughal Architecture. An Outline of Its History and Development (1526–1858)*. Delhi: Primus Books, 2014.
- Krusche, Ajjian, Anders, Dokonal, Kapadia 2010 — Krusche K.U., Ajjian D., Anders S., Dokonal I., Kapadia J. *History, Morphology and Perfect Proportions of Mughal Tombs:*

The Secret to Creation of Taj Mahal // *Archnet IJAR, International Journal of Architectural Research*. Vol. IV. March, 2010. P. 158–178.

- Moore, Mitchell, Turnbull 1993 — Moore C.W., Mitchell W.J., Turnbull W. Jr. *The Poetics of Gardens*. Cambridge: MIT Press, 1993.
- Nizami 1966 — Nizami K.A. *A Medieval Indian Madrasah* // *Studies in Medieval History and Culture*. Allahabad: Kitab Mahal, 1966. P. 54–64, 73–79.
- Porter 2016 — Porter Y. *Funerary Landscape in Pre-Mughal Delhi Sultanate (1206–1555)* // *Manzar*. No. 3. 2016. P. 20–27.
- Welch 1996 — Welch A. *Gardens the Babur Did Not Like: Landscape, Water and Architecture for Sultans of Delhi* // *Mughal Gardens: Sources, Places, Representations and Prospects*. Ed. by J.L. Wescoat Jr and J. Wolschke-Bulmahn. Washington: Dumbarton Oaks, 1996.
- Welch, Crane 1983 — Welch A., Crane H. *The Tughluqs: Master Builders of the Delhi Sultanate* // *Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture*. Vol. I, 1983. P. 123–166.

REFERENCES

- Babur-name: zapiski Babura (Babur-Name: Notes by Babur)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR Publ., 1958.
- Asher C. *Babur and Timuris Char Bagh. Use and Meaning*. *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre*, vol. 1–2, 1991, pp. 46–55.
- Asher C. *Art of Mughal India*. *The New Cambridge History of India*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2001 [1992].
- Asher C. *Humayun's Tomb*. URL: <https://www.sahapedia.org/humayuns-tomb-conversation-catherine-asher>.
- Dasgupta N. *Gardens in Ancient India: Concepts, Practices and Imagination*. *Puravritta*, vol. 1, 2016, pp. 133–152.
- Golombek L. *The Gardens of Timur: New Perspectives*. *Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture*, vol. 12, 1995, pp. 137–147.
- Inventory of Monuments and Sites of National Importance*. Delhi: Archeological Survey of India Publ., 2004.

- Khwaja G.S. *Islamic Architecture of Delhi*. Delhi: Bharatiya Kala Prakash Publ., 2012.
- Koch E. *Mughal Arcitecture. An Outline of Its History and Development (1526–1858)*. Delhi: Primus Books Publ., 2014.
- Krusche K.U., Aijian D., Anders S., Dokonal I., Kapadia J. History, Morphology and Perfect Proportions of Mughal Tombs: The Secret to Creation of Taj Mahal. *Archnet IJAR, International Journal of Architectural Research*, vol. IV, 2010, pp. 158–178.
- Moore C.W., Mitchell W.J., Turnbull W. Jr. *The Poetics of Gardens*. Cambridge: MIT Press Publ., 1993.
- Nizami K.A. A Medieval Indian Madrasah. *Studies in Medieval History and Culture*. Allahabad: Kitab Mahal Publ., 1966, pp. 54–64, 73–79.
- Porter Y. Funerary Landscape in Pre-Mughal Delhi Sultanate (1206–1555). *Manzar*, no. 3, 2016, pp. 20–27.
- Welch A. Gardens the Babur Did Not Like: Landscape, Water and Architecture for Sultans of Delhi. *Mughal Gardens: Sources, Places, Representations and Prospects*. Eds. J.L. Wescoat Jr and J. Wolschke-Bulmahn. Washington: Dumbarton Oaks Publ., 1996.
- Welch A., Crane H. The Tughluqs: Master Builders of the Delhi Sultanate. *Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture*, vol. I, 1983, pp. 123–166.